ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ:

«ЧЕЛОВЕК ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ»

Арпентьева М.Р.,

доктор психол. наук, профессор,

г. Калуга, ФГБОУ ВО КГУ им К.Э. Циолковского,

г. Ханты-Мансийск, ФГБОУ ВО ЮГУ

Цель исследования – анализ проблем и опасностей интенсивной медиатизации и медиаконвергенции жизнедеятельности в подготовке специалистов, направления их решения и преодоления в практике работы культурно-образовательных учреждений и их библиотек.

Основная часть исследования. Вузы традиционно стремились к обучению специалистов, воспитывая по мере возможности совершенного, идеального профессионала. Однако, потребности современного общества существенно изменились, а многие иные профессии в сфере культуры и образования, иных сферах претерпели значительные трансформации. Потребность в специалистах –профессионалах во многих сферах в целом уменьшилась, однако, вырост спрос на специалистов иного типа, тех, кто владеет навыками социальной адаптации к условиям организационной культуры предприятий и стремится к карьерному росту, невзирая на нравственные и профессиональные ограничения, и тех, кто владеет цифровыми технологиями и технологиями рекламы и презентации результатов труда и может обслуживать соответствующие нужды организации, включая участие в масскультурных мероприятий разного уровня («корпоративы», гуляния, конгрессы и конференции, выставки и т.д.). Возникли новые области и рынки распространения производимых специалистами «товаров» и услуг, а сами товары и услуги, иные результаты деятельности специалистов стали «предметом» постоянного пользования, товаром с разными градациями стоимости, среди критериев которой уровень исполнения и качество оказываются не всегда первыми. Новые запросы сформировали и новые способы понимания качества товара / услуги а также качества образования. Эти способы выходят за рамки классической традиции и традиционных представлений о профессионализме. Использование иных способов создания и исполнения продуктов /услуг и т.д., в том числе с помощью различных электронных устройств, требуют таких знаний и умений, которыми специалисты, получившие традиционное образование, а также некоторые педагоги, готовящие специалистов, не обладают. Упорство в сохранении собственных жизненных ориентиров и «академическая изоляция» от современного массива художественных, гуманитарных и естественнонаучных псевдо-дисциплин (которыми так богата англосаксонская, «универсальная» культура демократических, то есть претендующих на тотальный контроль жизнедеятельности других

государств, стран Запада) затрудняет адаптацию
таких специалистов и целых учреждений к текущим изменениям в обществе и государстве в целом. Государство России и государства иных стран бывшего СССР

вполне осознанно и активно уничтожают «оппозиционные» прогрессирующей безнравственности и псевдо-технологизации
структуры с помощью ряда механизмов. Например, слияние вузов и иные практики «реформирования» образования являются средством подавления потенциальной и реальной оппозиции и выживания из вузов и ссузов специалистов «старой закалки», ориентированных на традиционный профессионализм, не приемлющих коммодификации и безнравственности, а также стремления образования стать услугой, продаваемой с целью обогащения ТНК и государства, а не культурной практикой, реализуемой с целью развития общества, культуры отношений людей. В результате в вузах и ссузах остаются наиболее адаптированные к требованиям тотальной

коммодификации и безнравственности, а также

умеющие

и готовые воспроизводить адаптивный корпус псевдоспециалистов. Эти псевдо-специалисты, в свою очередь, способны и стремятся к возможно более ранней и многосторонней продаже себя и своих ресурсов, к тотальной коммодификации собственной деятельности и жизни. Они с большей или меньшей легкостью и желанием адаптируются к запросам пропитанных коррупцией и действующих в интересах социального, культурного, физического геноцида сообщества организаций – компонентов или обслуживающих

ТНК и правящих структур.

Мир цифровой культуры, а, точнее, цифрового бескультурья, создает уникальные возможности продвижения такого рода геноцидных практик, поскольку применение цифровых технологий осуществляется не только вне академической традиции, но и вне культуры как таковой, что, конечно, плохо для учащихся как для специалистов, так и людей: они остаются без присмотра и руководства, попадая в ситуацию «цифровой беспризорности», которая может не только деформировать их художественные вкусы, знания и умения, но и разрушить само стремление заниматься реальной деятельностью, а не презентацией псевдо результатов, стать специалистом. Однако,

Это весьма хорошо для государства и ТНК, «мирового правительства», образованного представителями цивилизованного и демократичного англосаксонского мира, а также примыкающими к ним представителями «элиты» еврейской, российской и иных диаспор-представляющих и защищающих интересы

ТНК, чьи планы расчистить пространство и время выживания себе и своим семьям и оставить

в живых лишь
«золотой миллиард», а также
сформировать для обслуживания и жизнеобеспечения

данного миллиарда с помощью идеологических, социальных, экономических, юридических, психологических, физиологических и иных манипуляций над обществом

«прослойку» людей группы «человек обслуживающий». «Человек обслуживающий» представляет собой квинтэссенцию существования «без присмотра», это – беспризорник, чьи реальные нужды и стремления не интересуют никого рядом с ним, поскольку люди его группы и он сам не осознают таковых, а люди группы «человек-господин» в осознании и реализации его нужд не заинтересованы

Центральный фокус проблемы – вопросы духовно-нравственного осмысления и наполнения преподавания, включающего активное или пассивное задействование медиатехнологий, а также рост деформаций в системе социальных отношений, связанный со все большим отчуждением людей друг от друга и все большим «сближением» с цифровыми устройствами, выступающими как «квазисубъекты», заменяющие человеку реальных людей и реальную жизнь. Поскольку этот рост стимулируется намеренно, а деформация нравсвтенных и рефлексивных компонентов образования также намерено уничтожается, постолькуц мир все активнее наполняется цифровыми беспризорниками» - первыми претендентами на статус «человек обслуживающий» вместе с живущими за гранью нищеты, заключенными, мигрантами-гастрабайтерами, «иноверцами» [4; 5; 6]. При этом активное включение – целенаправленное обращение к медиатехнологиям – более освоено и «на виду», существует для прикрытия проблемы пассивного включения, в том числе стихийного использования медиатехнологий учащимися и обучающимися без и даже вопреки рекомендациям педагогов и преподавателей – осмыслены и изучены меньше, и, преимущественно, в негативном / деструктивном ключе [7; 8; 9; 10]. Очевидно, что данные позволяют не просто интенсифицировать познание человеком себя и мира, но изменить отношения человека и мира, развивать человека как существо, наделенное, благодаря медиатехнологиями, небывалыми для предыдущих поколений, ресурсами. И чаще всего – в строну акультурья и деградации , а не развития: чтобы стать средством развития, утсройство должно быть как минимум нацедено на развитие. Цифровые, биологические и т.п. технологии саим по себе этим свойством не обладают. В итоге, вместо такого же небывалого всплеска успеваемости и воспитанности, культурного развития и развития кругозора учеников, мы наблюдаем «откат» к предыдущим состояниям почти тотального невежества основной массы населения [11; 12; 13; 17; 18; 19]. На этом пути медиатехнологии становятся не инструментами развития, а инструментами деградации и (само)уничтожения [7; 8; 9].

Заключение. Цифровые беспризорники –метафора, обозначающая сущность, процессы и результаты происходящего с людьми, основную часть своей жизни проводящими в Интернет и иных медиасетях. Взрослые и дети как цифровые

беспризорники ощущают на себе все проблемы жизни обычных беспризорников, начиная с аномии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и ускоренным старением, деструкцией личности [2; 4; 5]. По мере переселения в виртуальный мир, как и у обычных беспризорников, формируется состояние ненужности: именно с ним и нужно работать специалистам, семьям, обществу, государству [1; 2; 3; 4]. В решении проблемы создания и внедрения информационно-цифровой культуры основным вопросом является вопрос о создании условий для развития человечества и каждого человека, а не уничтожения или изоляции людей друг от друга или от технологий и технологического прогресса. В научных исследованиях современности, вопреки росту как обычной, так и цифровой беспризорности, глубоких и разносторонних исследований этой темы, практически нет: перечисление цифр, фактов, законов и технологий работы с беспризорными маскирует психологическую, методическую и воспитательную нищету идей и технологий, и, таким образом, отсутствие в обществе и мире внимания к собственным ошибкам, нежелание их исправлять и жить, помогая друг другу, признавая друг друга, уважая и принимая друг друга. Отмеченный В.М. Бехтеревым крах института семьи [3] и тотальное равнодушие государства к проблемам общества, пассивность общества и его нежелание развиваться, нежелание людей служить друг другу наряду с коммодификацией и консюмеризмом говорят о том, что безнадзорность - обычная и цифровая – будет прогрессировать. Будут и дальше разваливаться семьи, профессиональные и трудовые сообщества и т.д. Будет разрушаться образование. Вплоть до момента, когда люди не поймут, что стоят на пути самоуничтожения и уничтожают друг друга. Чтобы быть специалистов, нужно не просто владеть компьютерными программами, уметь работать на различных цифровых и иных устройствах, но и быть человеком культуры – воспитанным и обученным другим человеком культуры.

Литература

1. Арпентьева М.Р. Феномен цифровой беспризорности // Вестник Саратовского областного института развития образования.
– 2017. – №2
(10)
. - С.37-40.

2. Арпентьева М.Р. В поисках себя и мира // Психологическая культура личности – Ульяновск: Зебра, 2017.– С. 5-16.

3. Бехтерев В.М. Вопросы общественного воспитания. М.: Психо-неврологический институт, Издательство Т-ва Кушнерев и К°, 1910 . – 41 с.

4. Вельский П.Г., Никольский В.Н. Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних, отклоняющихся от нормы в своем поведении. М.: ЮИ Наркомюста, 1924. 89 с.

5. Доля А. А. Личностные особенности беспризорных и безнадзорных детей и подростков // Ученые записки РГСУ. 2009. №11. С.191-194.

6. Девятова Е.В. Беспризорность в контексте российской культуры : дисс. ... канд. культ. Челябинск, Челяб. ГАКИ,2009. 141 с.

7. Красильников И. М.Электронное музыкальное творчество в системе художественного образования. Диссе.. доктора педагогических наук . Москва, 2007. 494 с.

8. Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1923. – 294 **с**.

9. Курпатов А. Складка времени. М.: Трактат, 2016. 230с.

10. Познышев С.В. Детская безпризорность и меры борьбы с ней. М.: Новая Москва, 1926. - 136 с.

11. Самсонова С.А. К вопросу о понятии «детская беспризорность» // Вестник

Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 12 (80). С. 358-363..

12. Bassuk, E.L., et al. America's Youngest Outcasts: 2010. Needham, MA: The National Center on Family Homelessness, 2011. P.20.

13. Beand K. Internet addiction // Employment Couseling. 2002. Vol. 39. № 1. P. 2-11.

14. Camurri A., De Poli G., Rocchesso D. A taxonomy for Sound and Music Computing. // Computer Music Journal, 1995.
№19(2). P. 4–5.

15. Dean, R. T.
The Oxford handbook of computer music.
Oxford University Press, 2009. P. 4–20.

16. Gibson, K. Street Kids. New York : New York University Press, 2011. 288p.

17. Shapira N. Psychiatric features of individuals with problematic Internet use // *Jour nal of Affective Disorders*
.
2000. №57. P.. 267-272.

18. Spitzer M. Digitale Demenz. München: Droemer, 2012. 340 p.

19. Tapscott D. Grown Up Digital. McGraw-Hill, 2008. P. 15–16.